

Гоп со смыком (2)

На Подоле жил там Гоп со смыком,
он славился своим басистым криком.
Глотку он имел здорову
и ревел он как корова,
и врагов имел он сто со смыком.
Гоп со смыком буду я,
вы послушайте друзья,
ремесло я выбрал кражу,
из тюрьмы я не вылажу
и тюрьма скучает без меня.
Сколько бы в тюрьме я не сидел,
нет той минуты, чтоб я не пел,
заложивши руки в брюки,
и хожу пою от скуки,
что же будешь делать коль засел.
А как из тюрьмы выйдешь,
то халтуру удишь,
что в тюрьме сидел, то все забудешь,
быстро схватишь карты в руки,
полчаса не носишь брюки,
если не везет, что делать будешь!?
Остался бос и гол,
тут нужно пить и пить,
в бутылке свое горе утопить,
наливаешь больше стопку,
заливаешь чем-то глотку,
тут уж начинаешь пить и пить.
И так беспрерывно пьешь и пьешь,
гражданам проходу не даешь,
по трамваем ты летаешь,
рысаков перегоняешь
и без фонарей домой не идешь.
Фонарь носить мне вовсе ведь не страшно,
он такой большой, как будто бы покрашен,
ни достоин ты бандита,

если рожа не побита, —
так у нас уж заведено.
Гоп со смыком я родился
им и сдохну,
Перед смертью даже я не охну,
мне бы только не забыться,
перед смертью похмелиться,
я ведь там как мумия засохну.
А если не похмелят меня в Аде,
не дам проходу даже сатане,
где-нибудь я кол достану,
чертенят дубасить стану,
почему нет водки на луне.
Жариться я буду как гусенок,
в котле буду кипеть, как поросенок.
Жарить будут на сковородке,
чтоб не пил по многу водки,
пикою будет колоть меня чертенок.
Но так как я играю и пою,
то буду жить, наверно, я в раю,
где живут одни святые,
пьют бокалы налитые,
я такой, что выпить не люблю.
В раю я ночью выйду на работу,
возьму я в руки фомку и мешок,
и на бога на тихую,
околечу на слепую,
я на много бога не обижу.
Дай нам бог иметь что бог имеет,
мертвый так напиться не сумеет,
слитки золота карпетки,
где ни взглянь висят караты,
я бога околечу окоратно [окуратно].
На землю к вам вернуся я обратно,
деньги превращу в караты,
человек буду богатый,
на игру смотреть буду халатно.
А если проиграюсь,
то воровать не буду,

а буду умирать,
на том свете веселее,
набивай карман полнее,
если вы не верите,
то можете слетать.
Кодексов там совсем не существует,
кому не лень, тот день и ночь ворует,
магазины, лавки, банки —
все открыты для приманки...
О ворах там вовсе не толкуют...
Иван Предтеча там без головы,
имеет свою фабрику халвы, —
не смотри, что безголовый,
парень хоть куда фартовый,
а глазища точно у совы.
Иуда Искаротский там живет,
он вместе со святыми там —
и скрягою слывет...
Гоп со смыком я не буду,
поколечу я Иуду, —
знаю, где червонцы он кладет.
А если вы на небе подзайдете,
то прямо там под плюхи попадете,
кольями будут дубасить,
фонарями изукрасят,
и на землю больше не вернетесь.
Уркам там живется хорошо,
легавых там нет ни одного,
на том свете так живется,
без претырки все бирется,
место только там не шухарите.

(Записана заключенным Иргубизолятора. Март 1926)

Сибирская живая старина. Вып. I (V). Иркутск, 1926.